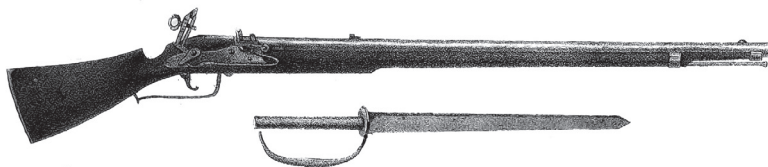

А. Н. Чубинский (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ГАРТМАНОВСКИХ» И «АМСТЕРДАМСКИХ» ФУЗЕЙ ИЗ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ

При многочисленных упоминаниях русских пехотных ружей XVII – начала XVIII вв. в письменных источниках мы почти не знаем хранящихся в музеях образцов этого оружия. Имеются единичные публикации мушкетов XVII в., которые могут быть определены как вооружение русской пехоты эпохи Московского царства. Например, А. К. Кирпичников и И. Н. Хлопин опубликовали два фитильных мушкета 1650–1660-х гг. европейского происхождения, хранившиеся в XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре¹, Л. К. Маковская ввела в научный оборот два мушкета с русскими замками третьей четверти того же столетия, происходящие из оружейной казны Соловецкого монастыря². Однако датировки последних предметов крайне приблизительные, локализация места их изготовления проблематична. В экспозиции Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве выставлен крайне интересный мушкет с русским замком и ложей французского типа с сильно скошенным затылком³. По некоторым признакам, это оружие было собрано в Москве с участием мастеров Оружейной палаты (и Ствольного приказа)⁴ в 1660-х – 1670-х гг., но ложа может оказаться позднейшей. В московской Оружейной палате отечественные мушкеты отсутствуют.

Что касается русских пехотных ружей 1690-х гг. – первого десятилетия XVIII в., то такое оружие никогда не публиковалось, за исключением труда А. В. Висковатова. Во втором томе «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» был приведен рисунок ружья со шведским замком,

Ил. 1. Иллюстрация из «Исторического описания...» А. В. Висковатова. 1842 г.

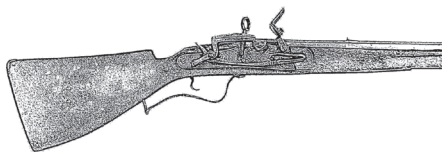
которое, согласно подписи, являлось русской «фузеей 1701 г.», причем ему принадлежал багинет с дужкой, не доходящей до черена⁵ (ил. 1). В тексте книги имелась ссылка на это изображение: «Фузеи... в значительном количестве добывались от шведов, в сражениях и при взятии разных крепостей и городов»⁶. Следовательно, автор мог полагать, что ружья, которые он именовал «фузеями 1701 г.», на самом деле были трофейным шведским оружием. На других рисунках из этого же тома такие ружья со шведскими замками показаны как вооружение солдат гвардейских и армейских полков первых десятилетий XVIII в.⁷

В действительности, в оружейных собраниях России имеется несколько мушкетов, очень сходных с рисунком «фузеи 1701 г.», очевидно, что в качестве модели для рисунка был использован один из них.

Эти ружья⁸ (ил. 2) имеют характерную наружность, заметно отличающую их от большинства европейских пехотных мушкетов рубежа веков. Их черные ложи имеют относительно легкие приклады старофранцузского типа, на которых вырезана крупная надпись 17X07 (ил. 3), спусковые скобы в виде S-образной ленты с задней вертикальной стойкой и крупные кремневые замки шведского типа с непривычным дизайном (ил. 4). Курки замков угловатые с очень длинными губками, составляющими прямой или даже острый угол с короткой стойкой. Губки стягиваются винтом, головка которого выполнена в виде крупного кольца; курок дополнительно фиксируется длинным курковым кронштейном. Внешняя боевая пружина, действующая снизу вверх на длинную пятку курка, соединена с подогнивной пружиной. Огниво, совмещенное с крышкой пороховой полки, подвижно смонтировано на стойке посредством винта и может быть повернуто в сторону, отдельной деталью является еще одна предохранительная крышка пороховой полки, положение которой фиксирует овальный щиток. Шептало, как и у классического снелпанса, проходит сквозь

прорезь в замочной доске и при взведенном положении курка зацепляет его длинную пятку. Замочные доски – с овальным левым краем и почти вертикально срезанным правым. На стволах и замках этих ружей имеются клейма, в том числе с латинскими, а иногда с кириллическими буквами. Стволы имеют длину 89–97 см, калибр 18–20 мм и прицелы в виде щитка с прорезью, врезанные на некотором отдалении от казны (у некоторых образцов в виде невысокой колодки на хвостовике).

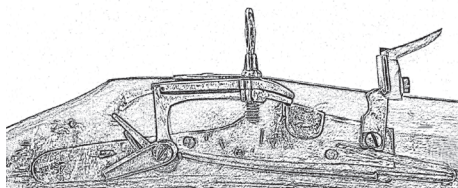
В настоящее время эти фузеи чаще всего определяются как боевые шведские ружья времени Северной войны, в том числе как трофеи Полтавского сражения⁹. Эта традиция прослеживается от публикации Н. Е. Бранденбурга, в которой предполагалось, что надпись на прикладе обозначает 1707 год изготовления¹⁰. В других случаях об этих же ружьях писали как о русских «гартмановских фузеех», изготовлявшихся в России якобы по образцу мушкетов, привезенных из Швеции голландским коммерсантом Даниилом Гартманом¹¹. Эта версия, опирающаяся, скорее всего, на рисунки из книги А. В. Висковатова, была разработана В. Е. Маркевичем, утверждавшим, что на Оружейном дворе Санкт-Петербурга изготавливались «гартмановские фузеи с шкоцким замком», в его книге был приведен рисунок ружья, в котором без труда можно узнать исследуемую фузею¹². При этом в книгу В. Е. Маркевича 1937 г. вкралась опечатка, которая повторялась и в переизданиях¹³, замок был ошибочно назван «шюцким». В то

Ил. 2. «Фузея 1707 г.», или так называемая «гартмановская фузея»

Ил. 3. Надпись, вырезанная на прикладе «фузеи 1707 г.»

Ил. 4. Кремневый замок шведского типа на «фузеех 1707 г.»

время как цитата из документа 1696 г., на которую, по всей видимости, опирался В. Е. Маркевич, звучит так: «Торговому иноземцу Данилу Гартману... поставить у города Архангелского сентября 1 числу 205 году три тысячи мушкетов немецких добрых с оправою и *шкоцкими* (курсив наш. – А. Ч.) замками»¹⁴. Эта цитата показывает ошибочность сопоставления «фузей 1707 г.» с оружием, поставленным Гартманом. Как мы показали¹⁵, в 1690-е гг. «шкоцкими» замками называли батарейные, следовательно, мушкеты Гартмана имели французские замки. В любом случае, маловероятно, чтобы голландский коммерсант торговал оружием, снабженным шведским замком.

Невозможно доказать и то, что подобные ружья производились в Швеции на рубеже XVII–XVIII в. и состояли на вооружении армии Карла XII. Такие ружья в музеях Швеции нам неизвестны. С другой стороны, аналоги замков (и спусковых скоб) «фузей 1707 г.» встречаются на шведских боевых ружьях первой половины XVII в. Шведские кремневые замки (Swedish snaplock) с угловатым курком и внешней боевой пружиной известны по меньшей мере с начала XVII в.¹⁶ Боевые мушкеты с прикладами типа «рыбий хвост» и полностью аналогичными замками в большом количестве производились в Швеции в основном в 1620-е гг.¹⁷

Приведенные данные дают право на жизнь гипотезе об импорте «фузей 1707 г.» в Россию из Швеции в середине XVII в. Известный православный путешественник Павел Алеппский, посетивший Россию в 1654–1656 гг., описал беседу с русским патриархом Никоном, в ходе которой последний с гордостью «показал... из окна... множество телег, нагруженных ружьями... он сказал, что их пятьдесят тысяч и что они получены теперь в ящиках из Шведского королевства»¹⁸. Ложи с прикладами старофранцузского типа в Швеции середины XVII в. существовали, но вряд ли мушкеты в середине XVII в. могли иметь кремневый замок, а не фитильный, стандартный для того времени. Однако мы считаем такую версию маловероятной.

Ранее мы предполагали, что замки «фузей 1707 г.» (и оружие в целом) были изготовлены на Петровских Олонецких заводах, так как замки шведского типа традиционно производились в данном регионе и бытовали под наименованием «карельских замков»¹⁹. Однако полные шведские аналоги замков существенно ослабляют приведенную версию.

Тем не менее, мы продолжаем считать, что «фузеи 1707 г.» сделаны в России. На наш взгляд, их замки (вероятно, и стволы; менее вероятно – ложи) в действительности являлись трофеями Северной войны, но они не имели отношения к боевым шведским фузеям, захваченным в полевых сражениях. Источник их появления – арсеналы шведских крепостей, где они находились в виде отдельных деталей или в составе морально устаревших мушкетов. Так, например, трофеи, взятые в Нарве в 1704 г., включали «ручного ружья солдатского, рейтарского и драгунского 11200, пистолетов 1592 пары», в Иван-городе – 370 мушкетов²⁰. Неясно, какое количество из одиннадцати с половиной тысяч ружей составляли драгунские фузеи и рейтарские карабины, но наверняка в своем большинстве это были пехотные мушкеты. Можно привести и дифференцированное описание интересующего нас трофейного оружия в Нарве в 1706 г.: «Завоеванного ружья швецкого 1112 фузей замки с курками починенова; 1948 фузей к стрельбе негодны; 7745 фузей жагренова швецкого ж, 1686 мушкетов з жаграми»²¹. В том же нарвском арсенале в 1708 г. хранилось «замка фузейных и санопальных горелых 182... скобок фузейных 90... стволов фузейных годных 353, стволов же ломаных негодных 432, стволов же в станках деревянных 1763... фузей прирезных 448, жагреных к приреске годных 924»²². Как видно, в виде отдельных деталей в Нарве хранились и стволы, и замки, и даже спусковые скобы.

Достаточно очевидно, что русское командование стремилось использовать трофейное оружие, по меньшей мере, его наиболее дорогие детали – стволы и замки. Можно предположить, что трофейные мушкеты или их основные комплектующие части были отправлены на тот или иной русский оружейный завод или в мастерскую (вполне вероятно, в Москву), где были починены и смонтированы на новых ложах. Особенно интересны упоминаемые в документе 1708 г. «стволы на ложах» и «прирезное оружие». С нашей точки зрения, это старые ружья со снятыми замками, скорее всего, фитильными, которые были готовы к установке новых замков. Исходя из даты составления описи, они не могли послужить основой при сборке «фузеи 1707 г.». Но сам факт их наличия косвенно подтверждает нашу гипотезу. Замки, установленные на «фузеех 1707 г.» имеют столь длинные доски, что теоретически они могли закрыть вырезы на ложах от прежних фитильных замков.

Страна и время сборки описываемых ружей удостоверяются клеймом с кириллическими буквами, которое выбито на стволе и замке «фузеи 1707 г.», которая хранится в Государственном Эрмитаже²³. Овальное клеймо включает надпись АУЗ под короной. Это не что иное, как обозначение 1707 г., переданное старославянской цифирью. Совпадение даты на стволе, замке и ложе однозначно свидетельствует о том, что это ружье было собрано в России в 1707 г., как и все остальные мушкеты аналогичного дизайна. Об этом же говорят встречающиеся на исследуемых ружьях клейма с русскими буквами, например, клеймо НИ на стволе и замке фузеи, хранящейся в Тульском музее оружия²⁴. Заметим, что принадлежность части буквенных клейм неоднозначна, – в тех случаях, когда начертания букв латиницы и кириллицы совпадают. При этом массовое наличие личных клейм у русских казенных оружейников не вызывает сомнения, это было связано с необходимостью идентификации мастеров, допустивших брак. Например, в 1697 г. часть поставленных в Оружейную палату из Тулы стволов не выдержала прострела, и старосте тульских казенных кузнецов было «велено... те рваные стволы по клеймам разобрать на Туле»²⁵.

Итак, появление на русских ружьях шведских замков (и стволов) вполне объяснимо. Сложнее понять причину, по которой для вновь собранных мушкетов использовались старофранцузские ложи, которые к началу XVIII в., как кажется, уже отошли в прошлое. Предположение о том, что ложи, а стало быть и мушкеты в целом, произведены все-таки шведскими мастерами задолго до событий Северной войны, снова упирается в отсутствие шведских аналогий.

Необходимо принять во внимание, что именно в 1707 г. ввиду угрозы наступления Карла XII московский Бархатный двор, основная производственная площадка Оружейной палаты и Ствольного приказа, прекратил работу, производство было реорганизовано и перемещено в другие места²⁶. Возможно, что в связи с этим в конце лета 1707 г. традиционная для Бархатного двора сборка ружей частично переместилась в Тулу: «Августа в 13 день по указу великого государя... выдать... денег за фузеи, которые стволы и замки четыре тысячи немецкой работы посланы на Тулу ради осадки в станки, и в то число прислано с Тулы тысяча фузей»²⁷. Нельзя исключить, что под оружейными деталями «немецкой работы» здесь понимались трофейные шведские

стволы и замки, и «фузеи 1707 г.» в действительности были собраны в Туле. Но более вероятно, что эти ружья были собраны в Москве с использованием отремонтированных деталей, имевших шведское происхождение. Многочисленные примеры изготовления мастерами Ствольного приказа мушкетов со ствольными «немецкими» стволами и замками мы приводили выше. В том же 1707 г. такие работы неоднократно проводились не только мастерами Ствольного приказа, но и Оружейной палаты: «1707-го июля с 22-го числа... по указу великого государя станошного дела мастеровые люди шестнатцать человек работали осаждали в шесть дней в станки по двенатцати фузей починошного ружья, что прислано из военного походу из Острогу... ноября с 27-го числа декабря по 2 число... роздано станошного дела мастеровым людям по двенатцати фузей с всеми приборы в присатку в новые станки Фоме Морачеву, Михаилу Васильеву, Афонасью Риге»²⁸. Группа трех последних мастеров числилась в Оружейной палате. А работавшие в ней ложевщики белорусского и западноевропейского происхождения с 1660-х гг. определенно изготавливали ложи старофранцузского типа²⁹.

Нельзя исключить, что эти фузеи были собраны в московской Немецкой слободе в одной из частных мастерских, в которых в качестве учеников работали русские мастера и которые выполняли заказы на изготовление строевого оружия. Именно европейским оружейникам было свойственно помечать приклады строевых ружей крупными резными надписями с указанием года производства. Дизайн надписи «17X07» вряд ли мог быть разработан русскими мастерами, для которых была привычнее буквенная цифирь. Возможно, центральный символ в надписи «X» ассоциативно связывался в Андреевском крестом.

Невелика вероятность изготовления «фузей 1707 г.» в оружейных мастерских при северо-западных крепостях, где исходно хранилось трофейное оружие, – такие мастерские не могли производить крупные партии оружия, не обладали достаточной ремонтной базой и собственными клеймами. Несколько более вероятно, что эти фузеи были собраны все же на Олонецких Петровских заводах или даже в на оружейном дворе в Санкт-Петербурге, но сведения о последней мастерской в 1707 г. отсутствуют.

Отметим два вопроса, несколько ослабляющих нашу версию об изготовлении описываемых фузей в России в 1707 г. «Фузеи 1707 г.» не приспособлены для примыкания штыка с трубой. Но,

по мнению Масловского Д. Ф., вставляющиеся в дуло багинеты существовали до 1709 г.³⁰

Другой контраргумент – надпись «17X07», полностью аналогичная нанесенным на этих фузях, встречается на прикладе хранящегося в Артиллерийском музее гладкоствольного ружья калибром 16,5 мм с фитильно-колесцовым замком и мушкетерной ложей³¹, которое не могло быть сделано в Москве в начале XVIII в.³² С другой стороны, надпись на этом ружье вряд ли имеет отношение к обстоятельствам его изготовления, она выглядит позднейшей.

И все же мы не можем полностью исключить возможность исходной сборки этих фузей в Швеции в 1640-х – 1650-х гг.³³, но и в этом случае ружья явно были перебраны и отремонтированы в России, их непременно отстреливали и нанесли ряд русских клейм и надписи с датой; следовательно, даже в этом случае их допустимо считать русским оружием.

Возможно, «фузеи 1707 г.» в России так и не поступили в войска. То, что в музеях сохранилась относительно большая группа этих однотипных ружей (при полном отсутствии других русских фузей, датированных первым десятилетием XVIII в.), может указывать на их невостребованность, вероятно, из-за их экзотического дизайна и заметной разницы в калибрах. В целом судьба этих фузей в XVIII–XIX вв. достаточно очевидна: они долгое время хранились в одном из российских цейхгаузов, откуда и поступили в музеи.

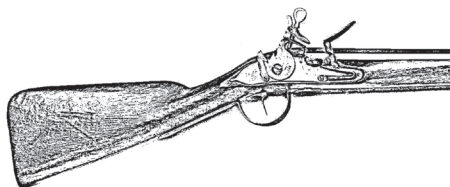
Таким образом, «фузеи 1707 г.» (безусловно, имеющие в своем составе ранние шведские замки, детали прибора и, вероятно, стволы) были собраны в России в 1707 г., скорее всего, в Москве при участии мастеров европейского происхождения. Эти ружья можно причислить к вооружению петровской армии первого десятилетия XVIII в. и предложить следующую атрибуцию: «Фузея пехотная солдатская. Россия, Москва, Оружейная палата (?) (Бархатный двор (?)), 1707 г. (сборка, ложа). Ствол, замок, спусковая скоба – Швеция, первая половина XVII в.».

Не менее запутанная история связана с ружьем из собрания Музеев Московского Кремля (ил. 5). Ружье имеет ствол длиной 107 см и калибром 20 мм, французский замок с плоской доской и французскую же ложу, железный прибор, за исключением медной замочной личинки (ил. 6), на которой выбита надпись Amsterdam. В 2012 г. оно было опубликовано в каталоге голландского оружия

с атрибуцией «Амстердам, 1680–1700 гг.» и без указания на область его бытования³⁴. Клеймо на стволе подтверждает атрибуцию. Самое раннее упоминание ружья было найдено автором каталога Е. А. Яблонской в Описи Оружейной палаты 1808 г., но наиболее интересная часть архивного описания была опущена при публикации.

В 1808 г. это ружье было описано в паре с другим аналогичным так: «Фузей пара, названья по прежним ведомостям салдатскими... одна из них со штыком. Замки гладкие с собачками позади курков. На сторонах, противоположных замкам, по медной накладке, на которой вырезано Amsterdam. В станках ореховых с медною оправою»³⁵ (выпущенный в публикации 2012 г. текст выделен нами курсивом). Таким образом, речь идет не просто о «ружьях» (в упомянутом каталоге ружьями названо преимущественно охотничье оружие), а о строевых мушкетах пехотных полков. Временем производства фузеи мы считаем верхнюю границу имеющейся датировки, на которую указывает контрольное клеймо Амстердама на стволе – около 1700 г.

Крайне информативной деталью является замочная личинка фузеи. Ее полный аналог с той же надписью был обнаружен финскими подводными археологами среди артефактов, поднятых с русского военного корабля, затонувшего в Ботническом заливе в 1714 г.³⁶ Эта находка показывает, что закупленные Россией в первые годы XVIII в. голландские мушкеты активно использовались не только в армии, но и во флоте вплоть до 1714 г. Возможно также, что подобные личинки служили для уточняющего наименования фузей в русских документах: «В Санкт-Петербургском цехаузе у цейдерехтора Аврамова ружья налицо фузей амстердамских 64 со штыками»³⁷.

Ил. 5. Фузея с надписью «Amsterdam» на замочной личинке

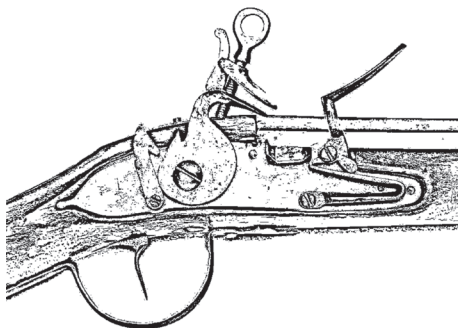

Ил. 6. Замочная личинка

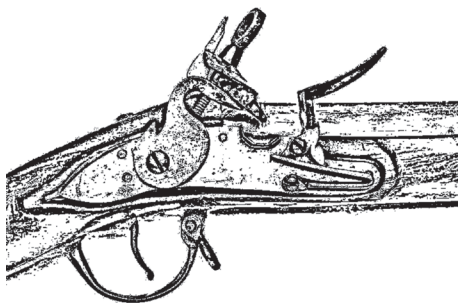
Парная фузезя (как и штык) в Музеях Кремля на сегодня не числится, но ее следы были обнаружены в Описи Оружейной палаты 1886 г.: «Ружье с железным грубым прибором, на замочной пластинке надпись: «Amsterdam». *Передано в Музей Тульского оруж. завода... 1910 г.*»³⁸. Как видно, искомое ружье (очевидно, без штыка) было выдано в Тулу в 1910 г. Благодаря помощи коллег из Тульского музея оружия, эта «амстердамская фузезя» была найдена³⁹. Замки, замочные личинки и другие детали прибора обоих ружей аналогичны, но ствол и ложа тульского ружья имеют принципиальные отличия. Цевье этого ружья, не доходящее до среза ствола около 8 см, отграничено от «оголенного» участка широким плоским кольцом, нагнанным на ствол, и высокой мушккой, примыкающей к этому кольцу. Очевидно, что это приспособления для крепежа штыка. К этим деталям мы вернемся ниже, а пока ответим на вопрос о том, как два ружья с аналогичными замками и характерными деталями прибора, которые исходно хранились в паре, могут иметь столь разную конструкцию дульной части. Кроме того, голландские ружья с кольцом в дульной части неизвестны. Единственный возможный ответ – тульская «амстердамская фузезя» была модернизирована уже в России, возможно даже, получила новую ложу⁴⁰. Внимательный осмотр кремлевского ружья показал, что и оно имеет поздние железные детали: наконечник цевья, оковку на цевье на устье шомпольного канала, прибойник шомпола и, возможно, спусковую скобу. Все они имеют относительно невысокое качество по сравнению с хорошо отделанным стволом и качественной ложей. Вызывает сомнение исходная комплектность замка (ил. 7). Мы не можем указать ближайшие голландские аналогии, но существует по меньшей мере один очень сходный с данным замок, сделанный в России. Это замок французского типа с собачкой⁴¹, кольцом на прижимном винте курка и плоской замочной доской, на которой нанесено клеймо ПМ (ил. 8). Он установлен на Олонецкой солдатской фузее 1717 г.⁴²

Итак, обе «амстердамские фузеи» рубежа XVII–XVIII вв., хранившиеся до 1873 г. в Оружейной палате, были существенно отремонтированы в России. На кремлевском ружье были заменены замок и большая часть деталей прибора, а на хранящемся в Туле, возможно, заменили ложу и модернизировали ствол для крепления штыка с трубкой. Нельзя исключить, что на тульской фузее был установлен новый (трофейный шведский?) ствол.

Вряд ли эти переделки относятся ко второй половине 1710-х гг., когда в России уже существовал образец пехотной фузеи, на который ориентировались все оружейные заводы. Наличие олонецкого аналога замков на «амстердамских фузеях» не может служить достаточным доказательством того, что они были переделаны на Петровских Олонецких заводах. Известно, что значительную часть олонецких оружейников составляли туляки; в равной степени туляки работали на московском Бархатном дворе и поставляли замки своей работы в Москву, где они вполне могли быть

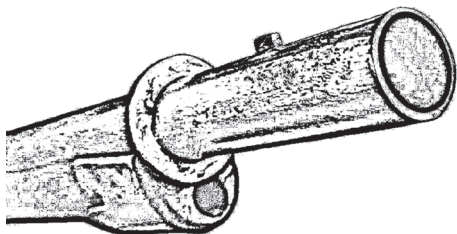
Ил. 7. Кремневый замок фузеи с надписью «Amsterdam» на замочной личинке

Ил. 8. Кремневый замок олонецкой солдатской пехотной фузеи 1717 г.

использованы при ремонте голландского оружия. Место хранения обеих фузей в начале XIX в. является аргументом в пользу того, что их ремонт проводился все же в Москве, вероятно, на Бархатном дворе в 1700-е гг. Для оружия, проходившего через эту мастерскую, было характерно наличие разновременных деталей, происходящих из разных производственных центров. Таким образом, атрибуция кремлевской «амстердамской фузеи» должна быть следующей: «Фузея пехотная солдатская. Россия, Москва, Бархатный двор (сборка, железные детали прибора), 1700-е гг. Ствол, замочная личинка – Нидерланды, Амстердам, ок. 1700. Замок – Тула (?), 1700-е гг.». Остается неясным, использовался ли на этой фузее когда-либо багинет.

Атрибуция тульской фузеи сложнее, может оказаться, что в этом ружье единственная голландская деталь – это замочная

Ил. 9. Кольцо на дуле шведской (?) фузеи начала XVIII в., служившее стопором трубки штыка

личинка. На ее датировку может повлиять анализ приспособлений для крепления штыка – кольца-стопора для штыковой трубки и мушки. Выемка на кольце была необходима для фиксации пружины, укрепленной на трубке штыка. Аналогичное кольцо (без выемки) в

дульной части имеет мушкет из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в С.-Петербурге (ил. 9), который в настоящий момент атрибутируется как шведский начала XVIII в.⁴³ Сходное техническое решение имела и шведская фузея образца 1725 г. К кольцу на тульской «амстердамской фузее» примыкает высокая плоская мушка, очевидно, входившая в прямую прорезь на трубке штыка. Вероятность крепления на этом ружье багинета неизвестной нам конструкции крайне мала.

Здесь будет уместно расширить тему и привести данные о русских багинетах и штыках начала XVIII в., обнаруженные нами в архиве Оружейной палаты. Эти данные представляют большой интерес, еще А. Н. Кулинский писал, что «об использовании багинетов в русской регулярной армии до нас дошло очень мало сведений»⁴⁴. Действительно, единственный сохранившийся багинет с деревянной цилиндрической рукоятью, который, как считается, был изготовлен в России в петровское время, скорее всего, принадлежал не пехотной фузее, а мушкетону – ружью с конической камерой калибром 24 мм⁴⁵. При этом на раннем этапе не существовало даже терминологического различия собственно багинетов, которые вставлялись рукоятью в канал ствола, и штыков с трубкой, монтировавшихся на наружной части дула, – все они именовались багинетами. При этом документы показывают заметное разнообразие этого вида оружия в начале XVIII в., описи военного имущества дают массу определений хранившихся в них штыков: «долгие», «короткие», «широкие», «плоские», «трехгранные»⁴⁶. К этим определениям, перечисленным в труде К. В. Татарникова, мы постараемся добавить новые данные,

опираясь на описания штыков и багинетов, проходивших через Оружейную палату и московский Бархатный двор в 1700-е гг.

Наиболее раннее свидетельство о существовании русских багинетов зафиксировано в выписке к челобитной ложевого мастера Оружейной палаты 1702 г.: «В прошении... мастеров Демьяна Блисова с товарищи написано, работали де они к свейскому походу багинетные черенья»⁴⁷. Очевидно, что «свейский поход» – это выступление русской армии под Нарву в 1700 г., в ходе подготовки которого ложевщики вытачивали деревянные рукояти к багинетам – «черенъё». Полосы для этого оружия, вероятно, были импортными. В том же 1700 г. голландцем Захарием Диксом в Оружейную палату была поставлена тысяча «полос багинетных немецких стальных»⁴⁸.

В декабре 1701 г. указывалось сделать «на Бархатном дворе одношпажных багинетов и к ним крыжей и мелких приборов и ножен»⁴⁹, уточнялось, что крыжи должны быть медными⁵⁰. Определение «одношпажные» характеризует клинки оружия, вероятно, однолезвийные. В конце 1700 г. в Туле был размещен заказ на изготовление «3000 багинетных и фузейных приборов»⁵¹.

В июне 1701 г. было выдано две тысячи рублей «из Ратуши на дачу иноземцом Христофору Бранту, Ивану Любсу на дело четырех тысяч богинетных полос с железными крыжи, которые против обрасца велено им делать за морем»⁵². Возможно, что упоминающиеся месяцем позже образцовые багинеты связаны с этим заказом: «Июля в 14 день по указу великого государя... в Оружейной полате к двум богинетам стальным, которые объявил для образца торговой иноземец Иван Любс, зделать крыжи, да к поясам тех богинетов оправы серебряныя... а по смете... серебряных дел мастера Ивана Лана надобно к тому делу серебра три фунта»⁵³. Безусловно, «багинеты с крыжами» – это именно багинеты, клинковое оружие с рукоятью и гардой, в данном случае в парадном оформлении. Багинетные «крыжи» также заказывались у тяглецов Конюшенной слободы в феврале 1701 г.⁵⁴, всего «на дело крыжей богинетных медных» в 1701 г. было выдано 1850 руб.⁵⁵. Запись конца 1701 г. показывает, что полосы багинетов были как шведские, так и отечественные: «На дело богинетных крыжей и ножен с крючками и с наконечники медными к вывозным из-за моря вышеписанным свейским полосам и московского дела» выдавалось 2579 руб.⁵⁶

В 1702 г. изготовление багинетов было еще актуальным: «Принето... Преображенского полку у салдата и Ивана Дюкова пятьсот дерев пистоновых, а к фузеям малое число годитца, а достальные на кистолные станки и на карабинные станки годятца и... к багинетам на черенья»⁵⁷. Действительно, в том же году в апреле «на Бархотном дворе посторонние станошники Яков Иванов с товарищи ... приделывали к новым багинетным шпагам черенья»⁵⁸, и в конце июня мы встречаем точно такую же формулировку: «был у дела на Бархотном посторонней станошник Иван Алексеев, приделывал к новым багинетным шпагам черены»⁵⁹. Других упоминаний багинетных черенов и крыжей в документах Оружейной палаты первого десятилетия XVIII в. нами не обнаружено, вероятно, после 1702 г. их производство было свернуто.

В трех столбцах Оружейной палаты конца 1701 г. говорится о заключении договоров с тремя русскими частными подрядчиками на поставку каждым по «500 кривых багинетов»⁶⁰, причем в одном из них поставщик с московского посада «Огородной слободы Иван Петров» обязывается сделать «багинеты кривые с ножнами против обрасца». Вероятно, именно этот заказ 1701 г. предусматривал выдачу «на дело тысящи пятисот богинетов кривых троегранных с трубки... и с привертными шурупы двесте девяносто рублей»⁶¹. Как видно, штыки с трубками и прижимными винтами («привертными шурупами») и трехгранными клинками изготавливались подрядчиками по заказу Оружейной палаты уже с конца 1701 г., видимо, по шведским образцам. Заказывались они и в Туле: «Декабря во 2 день тульским казенным кузнецом Дементью Галахтионову с товарищи на дело двух тысяч богинетов кривых наперед триста рублей, срок той отделки марта первое число»⁶². Также штыки ковали московские мастера: «Декабря в 20 день Оружейные полаты кузнецом Ивану Архипову с товарищи на пятьсот богинетов кривых без ножен по адиннатцати алтын по две деньги наперед»⁶³. Не позднее осени 1702 г. «кривые багинеты» ковали и кузнецы Ствольного приказа на Бархатном дворе⁶⁴.

Параллельно заключались договора о поставке ножен: «Декабря в 19 день конюшенного чину Ивану Михайлову на дело тысящи богинетного пояся по два алтына по пяти денег... Срок той отделке марта первое число. Того ж числа Мещанской слободы Степану Зверинскому на дело тысящи пятисот ножен

с крючками и с наконешники, паяными медью, железными х кривым богинетом по осми денег»⁶⁵. Крупные заказы практиковались и далее, летом 1703 г. у подрядчиков Терентия Серпуховитина и Ивана Черепанова было заказано «4000 тысяч кривых багинетов»⁶⁶.

В том же 1702 г. в документах значатся и «коленчатые багинеты», это синонимическое название «кривых»: «Державнейший царь государь... на Бархотном дворе делали багинеты кривые против обрасца из твоих государевых припасов... в нынешнем 1702-году апреля з 22-го числа велено делать в Оружейной палате к фузеям коленчатые багинеты, и в то число для поспешения давано в кузнечные ряды на дело тех багинетов железа и сталь»⁶⁷. Далее в документе перечислялись детали заказов, которые раздавались старостам московских кузнечных рядов: «На Болото старосте Меркулу Яковлеву дано железа 9 пуд, стали 9 фунтов, и ис того числа приятно на Бархотной двор 90 багинетов весу в них 4 пуда 12 фунтов; за Арбацкия ворота старосте Давыду Максимову дано железа 8 пуд с полупудом, стали 9 фунтов и с того числа принято на Бархотной двор 83 багинета... за Тверские ворота старосте Ильев Иванову дано железа 4 пуда с полупудом, стали 5 фунтов, и с того числа принято на Бархотной двор 45 багинетов»⁶⁸.

Определение «коленчатые» бытовало в течение всего рассматриваемого периода времени⁶⁹ наравне с «кривыми» по меньшей мере до 1711–1712 гг.: «Принято в казну Оружейную полату у подрядчика у Ивана Копылова восьмьсот шесть кривых богинетов с ножны и присажены к фузеям», «Принято... у подрядчика у Ивана Стрежнева сто шездесят три богинета отковкою и отделкою добраго мастерства и против образцового сходственны, и те... богинеты отпущены в Московской полк мая в 28 день, для того в казне богинетных ножей нет опричь тех. Афанасей Вяткин руку приложил... в Оружейной полате выписано... по подряду деланы в Оружейной полате к фузеям коленчатые богинеты ценою по 7 алтын по 4 деньги богинет»⁷⁰.

Встречающиеся в документах записи о сверлении «багинетов» означают, что речь идет о штыках с трубкой, например, «1703-го июля в 12 день... выдать... за высверленныя кривыя за пятьсот богинетов за сто по полтине... сверлщику Семену Глуханову»⁷¹; и таких упоминаний немало как для «кривых багинетов», так и «коленчатых»⁷². Высверливались трубки штыков, чтобы

приблизить их внутренний диаметр к внешнему диаметру дульной части стволов. Однозначно указывает на штыковые трубки с прорезями сообщение 1705 г.: «Ствольного приказа отдельщики присаживали к фузеям точеные кривые багинеты по три в день, а на стволах по два целика впаивали и устье у стволов зачищали Сава Федоров, Иван Анбар, Максим Чечкин работали пять дней. В тех же числах... точили в день по три багинета»⁷³. Очевидно, что под «двумя целиками» подразумевались мушка и штыковой целик, соответствовавший прорези в трубке штыка.

Полосы для штыковых клинков поставлялись в Оружейную палату в колоссальных количествах: «1706-го июня в 13 день... устюжским и тульским мастеровым людем за тридцать за семь тысяч за триста за семьдесят за пять ножевых лезвий по осми денег за лезвие... выдать»⁷⁴. Однако нами не найдено ни одного упоминания о том, чтобы на Бархатном дворе подобные «лезвия» сваривались с трубками.

Терминологическую неясность показывает сентябрьская записка 1705 г.: «Ствольного приказа отдельщики присаживали на фузеи точеные багинеты по три в день... Максим Чечкин присадил в два дни шесть фузей с точеными багинеты, а два дни десять фузей присадил с простыми багинеты»⁷⁵. Неизвестно, какая была разница между «точеными» и «простыми багинетами» и почему первые были более трудоемки при подгонке к ружьям. В другом месте той же книги Оружейной палаты «простые багинеты» являются синонимом «кривых»⁷⁶. Вообще, многочисленные определения, прилагавшиеся к штыкам, не всегда просто сопоставить с их реальной формой и конструкцией. Летом 1703 г. на Бархатном дворе «работали посторонние колмогоры, отделявали и обтирали старые толстые багинеты»⁷⁷, в январе 1708 г. чернodelьцы Ствольного приказа отделявали «широкие багинеты»⁷⁸, а в следующей цитате 1702 г. неясно, какое «гладкое» оружие соседствует и, как кажется, противопоставляется штыкам: «Багинеты против немецкого обрасца глаткие и кривые»⁷⁹. Три типа штыков значатся в документе 1711 г. о передаче оружия в армейские полки, очевидно, в связи с Прутским походом: «Марта в 12 день... взято в Оружейную полату к четырем тысячам багинетам, которые... приделаны к фузеям и посланы в военной поход в армю... у подрядчика у Степана Федорова с товарищи две тысячи пятьсот троугранных, тысяча пятьсот плоских широких... четыре тысячи, которые багинеты деланы по-ножевому»⁸⁰.

Здесь штыки различались клинками, – троюгранными, уплощенными двулезвийными (?) и однолезвийными.

Встречаются записи о штыках для гвардейских ружей, но определить их тип невозможно. Например, весной 1702 г. «На Бархотном дворе тульские казенные кузнецы Спиридон Стыров с товарищи... приделывали кривые багинеты отделанные, которые сняты с тульского ружья, к преображенским и семеновским фузеям... обтирали черные багинеты пятнадцать человек... чернodelьцы на горнах отковали по четыре багинета в день»⁸¹.

Упоминаются в документах и непонятные для нас детали. В октябре 1705 г. «на Бархотном дворе... отделивали в день по полтара багинета и *лапатки* (курсив наш. – А. Ч.) приделывали»⁸². Возможно, здесь идет речь о щитках, фиксирующих штык (или все же багинет?) в ножнах. Определенная ссылка на национальный тип штыка имеется в другой записи 1705 г.: «На Бархотном дворе... Иван Васильев отделил восемь багинетов в четыре дни, а в два дни отделил три багинета саксонских; Петр Матвеев присадил пять фузей з багинеты простыми, да шесть багинетов отделил саксонских, работал пять дней; Алексей Петров с товарищи четыре человека слаживали паяли и обтирали по четыре наконешника в день»⁸³ (под «наконешниками» здесь надо понимать железную деталь прибора штыковых ножен).

Крайне трудно объяснить сообщение о покупке в 1701 г. «на закрепки багинетных колец проволоки железной»⁸⁴. Возможно, здесь идет речь о багинетах, и под кольцами надо понимать втулки, укрепляющие верхние окончания их рукоятей, но неясно, как для их крепления использовалась проволока.

Приведем также два свидетельства 1707 г., которые показывают принципиальную сложность понимания документов петровской эпохи. В марте 1707 г. в письме Петра I М. П. Гагарину, руководившему Оружейной палатой, указывалось: «Против обрасцового багинета зделать багинетов 30.000, которые... потребны против неприятеля, но еще и иной в них есть выгод: вместо топора и рубить ими мочно на фашины лес и протчее; и для того впредь иных багинетов старого маниру делать не вели, а которые и зделаны, помаленьку переделать... против обрасца»⁸⁵. Казалось бы, «рубить фашины» штыками с шейкой и трубкой, лишенными рукояти, невозможно, и Петр имеет виду багинет с однолезвийным клинком тесачного типа. Однако другое мартовское письмо Петра сходного содержания, адресованное Б. П. Шереметеву, опровергает наше

предположение: «Послан к вам багинет образцовый, против которого вели... делать сколько возможно, только покорооче образцового вершка на полтора или на два, и к старым трубкам приваривать... которые багинеты не толико что против неприятеля будут изрядны, но еще и иной есть в них выгод: вместо топора мочно ими рубить на фашины лесу и прочее. И для того положить довольно укладу, и сделать на них ножны по самый заворот (как и у прочих багинетов водится)»⁸⁶. Здесь речь идет именно о штыках с трубками и шейками («ножны по самый заворот»), а значит, Петр предполагал осуществлять заготовку фашин при помощи штыков, примкнутых к ружьям.

Возвращаясь к теме «амстердамских» фузей, приведем цитату из приходно-расходной книги Оружейной палаты 1701–1702 гг., согласно которой на Бархатном дворе проводилась подгонка к фузеям 6407 багинетов, а также выдавались деньги «Михайлу Соснину с товарищи от дела десяти тысяч колец на фузеи, что замыкаютца багинеты... Григорью Карпову с товарищи за девять тысяч пружин, что замыкаютца в колца у фузей»⁸⁷. Сходную цитату К. В. Татарников отнес к багинету «образца 1700 г.» и посчитал, что пружина крепилась к черену⁸⁸. С нашей точки зрения в этой цитате речь идет о штыках, на трубках которых смонтирована прямая пружина, замыкавшаяся на нагнанных на ствол кольца. Именно такое кольцо установлено на шведской (?) фузее из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ил. 9) и тульской «амстердамской» фузее, речь о которой шла выше. Таким образом, весьма возможно, что это оружие является вещественным свидетельством производственной кампании 1701 г.⁸⁹ Других упоминаний колец и пружин для крепления «багинетов» нами не обнаружено.

Показательно, что в ходе уточнения атрибуции фузеи из Тульского музея оружия нам пришлось предпринять самостоятельное исследование ранней истории русских «багинетов», показавшее, что собственно багинеты, скорее всего, не производились после 1702 г., а штыки с трубками изготавливались в Москве с конца 1701 г. Однако тот факт, что в описях военного имущества долгое время продолжает упоминаться уточняющее определение «кривые багинеты»⁹⁰, относившееся к штыкам с трубкой, говорит о том, что параллельно с ними существовали и классические багинеты с рукоятями.

Итак, наша работа показала, что ряд хранящихся в российских музеях мушкетов петровского времени, которые традиционно определялись как европейские, нужно атрибутировать как оружие русского изготовления, содержащее первоначальные детали из разных стран Европы. Это относится и к «гартмановским» фузеям, и к «амстердамским», которые, на первый взгляд, не имеют ни одной русской детали. Здесь будет уместно прокомментировать часто встречающееся в документах определение оружия как «немецкого», прилагавшееся и к отдельным деталям. Из разных источников мы хорошо знаем, что сборное оружие, имевшее хождение в России в первом десятилетии XVIII в., имело колоссальное количество голландских и немалое количество шведских деталей, в первую очередь – стволов и замков. Однако в делопроизводственных документах Оружейной палаты мы встречаем почти лишь только «немецкие» детали. Дело в том, что это определение охватывало все европейские изделия, а не только произведенные в германских государствах. Приведем интереснейшую цитату из челобитной 1711 г., которую написал «лебгвардии Семеновского полку пушкарь Григорей Федоров [сын] Лебедев». В своем прошении он сообщает, что «в прошлом... 709 году будучи... пот Полтавою... послал... к Москве к жене своей... фузею швецкую немецкую с личными стальными в прикладе и в ложе цена восемь рублей, да пара пистолей цена пять рублей немецкие да палаш цена полтора рубли»⁹¹. В этой цитате шведское трофейное оружие именуется немецким. Столь же широкий смысл определения «немецкий» можно распространить и на многие другие документы петровской эпохи.

¹ Кирпичников А. К., Хлопин И. Н. Великая Государева Крепость. М., 1972. С. 172–173.

² Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 109. Рис. 60, 61.

³ ГИМ. Экспозиция Главного здания. Витрина 7.

⁴ Замок русского типа характерен для этого времени, как и прорезные шомпольные трубки, которые изготавливали мастера Оружейной палаты белорусского происхождения.

⁵ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений российских войск... СПб., 1842. Ч. 2. Рис. 161. На другом рисунке также фузея показана как вооружение стрелка пехотного армейского полка 1720-х гг. См. там же. Рис. 198.

⁶ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1842. Ч. 2. С. 23.

- ⁷ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1842. Ч. 2. Рис. 157, 158, 198.
- ⁸ По меньшей мере один такой мушкет хранится в Историческом музее в Москве (Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 111. Табл. XXV. Рис. 156.), три мушкета – в ВИМАИВиВС в С.-Петербурге (Ефимов С. В. Петр Великий и русская армия. СПб., 2022. С. 372, 408, 472), один – в Тульском музее оружия (Пинк И. Б., Ивлева О. Б., Дергачев А. С. Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея. Тула, 2016. С. 26, № 8).
- ⁹ Совершенная Виктория. К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 321, кат. 275. Замок фузеи назван «нидерландским».
- ¹⁰ Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III. СПб., 1889. С. 148–149. № 241–243.
- ¹¹ Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 111; Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М., 1987. С. 16. Рис. 22.
- ¹² Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до 1936 г. Л., 1937. С. 122–123. Рис. 216.
- ¹³ Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до 1936 г. СПб.; М., 1997. С. 97.
- ¹⁴ Дополнения к Актам историческим. Т. 12. СПб., 1872. XXVI. Память из Разряда в Новгородский приказ... С. 46.
- ¹⁵ См. нашу статью «О строевых фузеях петровского времени. К постановке вопроса» в настоящем сборнике.
- ¹⁶ Drejholt Nils. Firearms of the Royal Armouries I from Gustav II Adolf to Charles XIII. [Catalogue]. Stockholm, 1996. P. 47, № GIIA 65.
- ¹⁷ Richard Brzezinski, Richard Hook. The Army of Gustavus Adolphus 1. Infantry Osprey Publishing, 2000. P. 17.
- ¹⁸ ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Путешествие патриарха Макария. С. 45.
- ¹⁹ Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб., 2014. С. 416.
- ²⁰ Книга марсова и воинских дел. СПб., 1713. С. 41.
- ²¹ Роспись орудий, боеприпасов, оружия и снаряжения в Нарве и Иван-городе на 1 января 1706 г. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Приказ Артиллерии Д. 5. Л. 6.
- ²² Ведомость военным припасам в Нарве и Иваногороде 1708. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 180.
- ²³ ГЭ. Инв. № З.О. 5422. Автор выражает благодарность сотрудникам Эрмитажа М. Г. Зайченко и Ю. Г. Ефимову за возможность познакомиться с этим предметом в фондах музея.
- ²⁴ Пинк И. Б., Ивлева О. Б., Дергачев А. С. Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея. Тула, 2016. С. 26, № 8.
- ²⁵ Тульские оружейники. Сборник документов. Отв. ред.: И. Н. Юркин. М., 2003. С. 120. № 27.
- ²⁶ См. нашу работу «Ствольный приказ и Оружейная палата. Производство строевого оружия на московском Бархатном дворе в 1700–1707 гг.» (в печати).

- ²⁷ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 100.
- ²⁸ Там же. Л. 324.
- ²⁹ Чубинский А. Н. О ложах русских ружей XVI – начала XVIII вв. // Государственный Эрмитаж. Оружейный семинар. Заседание 29 сентября 2022 года. [СПб., 2002]. С. 18.
- ³⁰ Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 20.
- ³¹ Ефимов С. В. Петр Великий и русская армия. СПб., 2022. С. 696.
- ³² Думается, что ружье сделано в Швеции не позднее середины XVII в.
- ³³ На боевом шведском оружии этого времени часто установлены немецкие стволы.
- ³⁴ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания] М., 2012. С. 134–135, кат. № 167. В публикации замок неправильно отнесен к типу dog-lock, также в описании у ружья указаны «медные подшомпольные трубки», которых на цевье на момент публикации не было.
- ³⁵ Описание вещам Мастерской и Оружейной палаты 1808 г. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009. Л. 468 об. № 6488.
- ³⁶ The Maritime Museum of Finland. Annual Report 1984–1985. Helsinki, 1986. P. 24. Автор искренне благодарит Б. В. Мегорского за консультацию и указание ссылок на финскую литературу.
- ³⁷ Сборник указов, выписок, росписей и снабжении полков оружием... 1715. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 84.
- ³⁸ Выделенная курсивом приписка находится в архивном экземпляре описи. См. Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 171 об., № 6975.
- ³⁹ ТГМО. Инв. № 0047. Автор выражает искреннюю благодарность заместителю директора по научной работе И. Б. Пинку за возможность познакомиться с рабочим фото фузей.
- ⁴⁰ Тульская ложа отличается от ореховой московской цветом и формой.
- ⁴¹ В настоящий момент собачка отсутствует, но она наличествовала согласно документам XVIII в.
- ⁴² Чубинский А. Н. Старинное огнестрельное оружие в собрании Оружейной палаты. М., 2010. С. 78–79. Впрочем, замок на этом ружье может оказаться не первоначальным.
- ⁴³ Ефимов С. В. Петр Великий и русская армия. СПб., 2022. С. 372.
- ⁴⁴ Кулинский А. Н. Штыки мира. Т. 1. СПб., 2002. С. 15.
- ⁴⁵ Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 111.
- ⁴⁶ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова. М., 2008. С. 56.
- ⁴⁷ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 194.
- ⁴⁸ О поставке иноземцем Захарьем Диксом из-за моря полос багинетных. 21 января 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34264. Л. 1.
- ⁴⁹ О сделании на Бархатном дворе одношпажных багинетов. 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34820. Л. 1.
- ⁵⁰ О сделании к заморским багинетным поясам по 1000 крыжей медных. 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34821. Л. 1.

- ⁵¹ О выдаче тульским казенным кузнецам денег 240 руб. 31 декабря 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34864. Л. 1.
- ⁵² Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 18 об.
- ⁵³ О сделании к двум багинетам крыжей. 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8651. Л. 1.
- ⁵⁴ О выдаче денег подрядчикам на дело 300 багинетных крыжей. 12 февраля 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35057. Л. 1.
- ⁵⁵ Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 19.
- ⁵⁶ Там же. Л. 22 об.
- ⁵⁷ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 58.
- ⁵⁸ О приделывании на Бархатном дворе к новым багинетным шпагам черенья. 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36014. Л. 1.
- ⁵⁹ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 24.
- ⁶⁰ Память о Антоне Васильеве в том, что он уговорился сделать в Оружейную палату 500 кривых багинетов и присадить к фузеям со всем припасом. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35640. 17 декабря 1701. Л. 1; Уговор Ивана Петрова о сделании 500 багинетов кривых с ножами. 18 декабря 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35644. Л. 1; Поручная запись оружейных дел по мастеру по Андрее Колтыкееве о том, что сделать ему и поставить в Оружейную палату 500 кривых багинетов с ножами и со всем прибором. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35650. Л. 1.
- ⁶¹ Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 23.
- ⁶² Там же. Л. 32 об.
- ⁶³ Там же. Л. 33.
- ⁶⁴ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 250 об., 251.
- ⁶⁵ Там же. Л. 32 об.
- ⁶⁶ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 331.
- ⁶⁷ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 88.
- ⁶⁸ Там же. Л. 89.
- ⁶⁹ Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 62; Расходы по Оружейной палате 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 997. Л. 4.
- ⁷⁰ Расходные денежные документы Оружейной палаты за 1712 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1010. Л. 6, 21.
- ⁷¹ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 410.
- ⁷² Там же. Л. 422; Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 133; Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 99; Ведомости Оружейной палаты за 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 174 об.; Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 277.

- ⁷³ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 310.
- ⁷⁴ Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 146.
- ⁷⁵ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 69.
- ⁷⁶ Там же. Л. 70.
- ⁷⁷ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 364.
- ⁷⁸ Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1708. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1003. Л. 32.
- ⁷⁹ Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 224.
- ⁸⁰ Расходные документы Оружейной палаты 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1009. Л. 66.
- ⁸¹ О приделывании на Бархатном дворе кривых багинетов к фузеям. 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36019. Л. 1.
- ⁸² Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 52.
- ⁸³ Там же. Л. 310 об.
- ⁸⁴ Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 93.
- ⁸⁵ ПБПВ Т. 5. С. 131, № 1626.
- ⁸⁶ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. Под ред. В. И. Егорова М., 2008. С. 56.
- ⁸⁷ Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 91, об. 92.
- ⁸⁸ Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. С. 24.
- ⁸⁹ Если эта фузея в действительности была модернизирована на Бархатном дворе в 1701–1702 гг., то время ее привоза из Нидерландов следует отсрочить на несколько лет.
- ⁹⁰ Масловский Д. Ф. Северная война. 1705–1708 гг. Сб. военно-исторических материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 80.
- ⁹¹ Расходные документы Оружейной палаты 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1009. Л. 76.